

Лу Цихуай: Нет, просто в моей душе бушует цунами.

Глава 27: Розовая ложь

На следующее утро слуги засуетились, и особняк стал еще чище и опрятнее.

Герцогиня наставляла дворецкого:

— Герцог вернется к полудню. Обязательно проследи, чтобы приготовили его любимые блюда, никаких оплошностей быть не должно.

Ся Минчи вежливо кивнул:

— Слушаюсь.

Еще несколько дней назад, не считая ключевых NPC, в этом европейском особняке почти никого не было видно. Теперь же здесь сталолюдно и шумно.

В полдень, когда солнце стояло в зените, у главных ворот послышался стук колес кареты.

Герцогиня, приподняв подол платья, с сияющей улыбкой бросилась навстречу.

Мужчина с густой бородой, опираясь на трость из розового дерева, взял герцогиню за руку, нежно поцеловал ее тыльную сторону и обнял жену.

[Герцог Фишер — самый влиятельный человек в городе, если не считать принца Абеля.]

На первый взгляд, отношения между герцогом и его супругой казались идеальными.

Однако Ся Минчи услышал, как сестра Мэри насмешливо хмыкнула. Он хотел убедиться, не показалось ли ему, но сестра Мэри уже подошла к герцогу и поклонилась.

Герцог отстранился от жены, кивнул сестре и огляделся по сторонам.

— Где ребенок?

Герцогиня ответила:

— Она снова прихворнула, я велела ей лежать в своей комнате.

Едва она закончила фразу, раздался плачущий голос:

— Отец!

Мисс Фишер, словно маленькая птичка, бросилась в объятия отца.

Герцог закружил дочь, достал платок, чтобы вытереть ей слезы, и в его пронизательных глазах светилась нежность.

— Ох, посмотрите-ка, кто посмел обидеть нашу юную леди?

Мисс Фишер опустила голову и промолчала. Герцогиня приоткрыла рот, нахмурившись:

— Да всё из-за того, что я слишком ее опекаю. Скорее бы ей исполнилось восемнадцать, чтобы выдать ее замуж — хоть глаза мои ее видеть не будут, и сердце успокоится.

Герцог, поняв, что это обычный конфликт матери и дочери, рассмеялся, обнял одной рукой дочь, другой — жену, и они направились в дом.

Ся Минчи заметил, что каждый раз, когда мисс Фишер оказывалась на улице, ее дыхание становилось прерывистым, а открытые участки кожи краснели — очень похоже на аллергическую реакцию.

Мисс Фишер села на диван и, прикрывшись платком, закашлялась.

Герцог спросил:

— Ты принимаешь лекарства вовремя?

Луис, стоявший позади герцогини, ответил:

— Я каждый день слежу, чтобы мисс их пила.

Мисс Фишер взяла отца под руку и начала капризничать:

— Я больше не хочу их пить...

— Как же так? — герцог щелкнул дочь по носу. — Ты должна не только слушать врача, но и соблюдать постельный режим. Сиди тихо в своей комнате, никуда не выходи.

Что же за болезнь у мисс Фишер, что ей даже из дома выходить нельзя?

— Кстати, — обратился герцог к дворецкому, — вечером с пастбища доставят молоко. Пересчитай его, завтра отвезешь в церковь для раздачи нуждающимся.

— Слушаюсь.

[Герцог Фишер — щедрый богач. Каждый год за несколько дней до дня рождения дочери он ходит в церковь молиться и раздает беднякам молоко и хлеб.]

— Отец, я тоже хочу пойти.

Услышав про выход из дома, мисс Фишер с мольбой посмотрела на герцога.

— Нельзя, ты слишком слаба.

— Но я с восьми лет ни разу не была в церкви! Вы ходите каждый год, почему не берете меня?! Церковь — не запретное место, другим детям можно, а мне одной нельзя?!

Мисс Фишер тут же устроила истерику. Герцог изменился в лице, переглянулся с женой и сказал:

— Ладно... в этот раз возьмем тебя.

Мисс Фишер тут же перестала плакать и расплылась в улыбке.

На первый взгляд — просто избалованная родительская любимица, но Ся Минчи почувствовал

неладное. Может, запрет на посещение церкви тоже связан с болезнью мисс?

Герцог:

— Сколько стоило то платье, которое мать приготовила для тебя?

Вопрос был адресован мисс Фишер, но на деле — герцогине.

И действительно, лицо герцогини вытянулось.

— Для дочери — только самое лучшее. Но платила я со своего счета, не из казны поместья.

Герцог заметил рубиновые серьги в ушах мисс Фишер и скорбно поморщился.

— Новые украшения? Разве у моей малышки их мало? Опять покупки, когда ты успеваешь их носить...

Герцогиня промолчала, и, не дожидаясь ответа дочери, бросила:

— Их подарила Мэри.

Герцог тут же просиял:

— Ну, тогда другое дело.

Забавно. Самый знатный человек в городе, не считая принца, так печется о расходах на платье и украшения для единственной дочери на ее же день рождения.

— Дворецкий, я заметила, что розы под флигелем сильно общипали. Распорядись, чтобы садовник посадил новые. Пустое место выглядит некрасиво.

Герцогиня, не желая продолжать объяснения с мужем, дала новое поручение дворецкому. Похоже, она помешана на цветах, словно страдает обсессивно-компульсивным расстройством: двор должен быть засажен ими полностью.

Ся Минчи согласился. Наблюдая за тем, как NPC разыгрывают сюжет, он вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд — жадный и горячий.

Луис?

Мужчина уже переоделся в новый костюм, поправил галстук и стоял впереди всех слуг, выпрямившись во весь рост. Его осанка выдавала не сельского врача, а скорее хозяина особняка.

Заметив, что дворецкий смотрит на него, Луис не отвел глаз, а лишь вежливо кивнул.

Такая открытость заставила Ся Минчи смущенно покраснеть.

[Дворецкий выглядит застенчиво, на его красивом лице читается мука влюбленного сердца. Луиса это приводит в восторг.]

[Уровень благосклонности Луиса к вам повышен до 53%.]

Холодный механический голос звучал на удивление эмоционально.

Да ладно... так тоже можно? Система, ты что, установила какой-то странный патч?

[Мы — серьезная игра, это часть сюжета подземелья.]

Служанка Кин увела мисс в комнату отдыхать, герцог отправился в переднюю обсуждать с помощниками куплю-продажу южного поместья, а герцогиня велела дворецкому отнести дочери сладости.

Это были печенья, приготовленные придворным кондитером: аромат молока в сочетании со свежестью фруктов.

Ся Минчи поднялся наверх с серебряным подносом и услышал, что мисс Фишер спорит с Кин. Он не видел, что происходит внутри, но система транслировала происходящее.

— Мои волосы... ты делаешь мне больно... старая ты карга!

[Кин с крайним нетерпением расчесывала волосы мисс Фишер, даже вырвав несколько прядей.]

— Лучше поскорее привыкайте, отныне за вами буду присматривать я.

Хотя Кин была приданной герцогини, в особняке она оставалась лишь служанкой, как она смела так обращаться с мисс?

[Мисс Фишер схватилась за затылок, ее глаза горели яростью.]

— Я расскажу матери!

— Можете попробовать. Те перчатки, что нашли тогда, были из тончайшей кожи ягненка, украшенные лучшими сапфирами. Роберт с пастбища — всего лишь дояр, он и за десять жизней на такие не накопит.

— Мисс, вы поступили очень жестоко, свалив всё на Энни. Неужели вы думали, что госпожа не поймет? Она лишь дала вам шанс сохранить лицо, так что знайте меру! Сидите тихо до восемнадцати лет, пока не выйдете замуж, и не думайте тайком бегать к любовнику — это невозможно. Даже если бы он был царских кровей, герцог и герцогиня ни за что не согласятся!

С тех пор как Ся Минчи попал в подземелье, он почти не слышал, чтобы Кин открывала рот, а сегодня она выдала такую тираду. И учитывая ее отношение к мисс, она бы никогда не решилась на подобное без молчаливого согласия герцогини.

Однако сама герцогиня всегда демонстрировала лишь баловство и любовь к дочери. Возможно, тайные свидания мисс Фишер перешли границы дозволенного.

[Мисс Фишер, с которой никогда так не обращались, припала к туалетному столику и разрыдалась.]

— Нет! Отец и мать так сильно меня любят, они обязательно позволят мне выйти замуж за того, кого я люблю!

— Ну так попробуйте!

[Кин усмехнулась. Посчитав время, она поняла, что дворецкий уже должен был принести сладости, и открыла дверь.]

Пожилая служанка с каменным лицом взглянула на Ся Минчи, забрала поднос и, словно робот, захлопнула дверь.

Изнутри донесся гневный голос мисс:

— Опять печенье! Меня тошнит от одного его запаха! Почему вы вечно приносите то, что я ненавижу!

— Вы, должно быть, ошиблись, мисс. Госпожа сказала, что печенье — ваше самое любимое лакомство.

Во время ужина поступило сообщение: с пастбища привезли молоко, дворецкому нужно принять товар.

Увидев возницу, Ся Минчи застыл. Это же Роберт, которого заперли в Железной деве!

Когда факелы погасли, у того, кого подвергли пытке, почти не осталось признаков жизни. Даже если бы его спасли, тело, теоретически, должно было быть изрешечено.

Роберт, весь в поту, расстегнул верхние пуговицы, открывая безупречную кожу на груди.

[Работник молочной фермы Роберт разгружал бидоны с молоком, работая с большим усердием.]

У него есть брат-близнец или что-то в этом роде?

[Нет.]

Тогда кто был заперт в Железной деве?

[Роберт.]

Ся Минчи думал, что система не ответит на этот вопрос, но холодный механический голос ответил.

Роберт мертв, но продолжает работать. Так понимать?

[.....]

Ся Минчи пересчитал бидоны:

— Всего двадцать девять. Спасибо за труд, сходи на кухню, перекуси перед дорогой.

Дворецкий пригласил его, надеясь что-то разузнать.

Роберт отмахнулся и снова сел в повозку.

Ся Минчи преградил ему путь:

— Две овцы в загоне сдохли, как там на пастбище управляются?

Роберт снова растерянно замахал руками, издал странный писк, хлестнул вожжами и поспешил уехать.

Звук был очень похож на крысиный. Неужели этот Роберт — превращенная крыса?

Глава 28: Розовая ложь

После того как слуги перенесли молоко на склад, механический голос начал развивать сюжет.

[Наступила ночь. Дворецкий с керосиновой лампой обходил особняк, проверяя всё вокруг — ни одна темная делишка не ускользнет от его взора.]

Еще недавно за окном догорали закатные лучи, но мгновение — и солнце окончательно скрылось, окутав особняк ночной тьмой.

Керосиновая лампа покачивалась перед глазами Ся Минчи. Он взял ее и решил первым делом осмотреть главный корпус.

На третьем этаже дворецкий обычно не заходил в покои мисс. Кин вышла к нему с докладом: мисс приняла лекарство, умылась и уже легла спать.

На втором этаже располагались спальни четы герцогов и кабинет, там всё было спокойно.

На первом этаже в гостиной, столовой и на кухне дежурили слуги.

Во флигель никто никогда не заходил, а насчет подвала герцогиня строго-настрого наказала не соваться. Неизвестно, что сейчас с Энни и настоящим Робертом.

Оставался лишь западный пристрой.

[В этом здании герцог хранит свои сокровища, это своего рода золотой запас особняка. На дверях целых три замка.]

Ся Минчи открыл их ключами, висевшими у него на поясе. Здание было небольшим, по две комнаты на этаже, поэтому снаружи пристрой напоминал цилиндрическую башню.

Чем ценнее место, тем реже туда заходят. Воздух внутри был спертый, пахло плесенью.

На лестнице, которая должна была быть равномерно покрыта грязью, виднелись две пары следов. Ся Минчи поднес лампу ближе: пыли на них не было, значит, следы свежие.

Кто-то зашел внутрь, или, вернее, кто-то сейчас находится в здании. Ся Минчи не хотел, чтобы его заметили, поэтому осторожно ступал по тем же следам.

В здании было три этажа, и на верхнем он легко обнаружил того, кто пробрался сюда раньше.

Из одной из комнат на третьем этаже доносились звуки, от которых бросало в жар.

Мужчина и женщина. Помимо тяжелого дыхания, слышались ритмичные удары.

Система хочет, чтобы я это слушал? Они извращенцы?

[.....]

Прошла минута, и мужчина, задыхаясь, проговорил:

— Хи-хи, детка, стой крепче, не задень мой нефритовый плафон. Хотя он не такой уж дорогой, но всё же деньги!

Это герцог?!

Женщина была явно недовольна:

— Что, я стою меньше, чем какой-то плафон?

Голос принадлежал сестре Мэри.

Вот так дела. Оказывается, герцог крутит роман с лучшей подругой своей жены и крестной матерью своей дочери. На людях Мэри ведет себя как сестра герцогини, а за спиной творит такое.

Герцог нервно хихикнул:

— Конечно, нет, для меня ты важнее всего, чмок!

— Важнее всего для тебя деньги, не так ли? Богатый скряга. Я еще думала, что это ты купил платье для ребенка, а оказалось — герцогиня!

— Разве я не трачу на тебя все свои деньги... — голос герцога стал обиженным.

— Ха-ха, это то, что я заслужила! Вы живете как одна большая счастливая семья, а ты думал, каково мне на это смотреть? Если бы наш ребенок не умер... ей бы тоже было восемнадцать!

У Мэри был ребенок от герцога?

[Сестра Мэри вспомнила о грустном и зарыдала, закрыв лицо руками. Герцог хотел продолжить, но ее слезы лишили его всякого желания.]

— Будь благоразумнее, войди в мое положение. Я женился на ней только ради будущего семьи... Ты думаешь, мне не больно, что наш ребенок умер сразу после рождения?!

[Герцог легонько ударил себя по щеке, выдавливая пару слезинок.]

— Я тоже хочу быть хорошим мужчиной, нести ответственность за тебя и за нее! Но судьба против нас!

Неизвестно почему, но Ся Минчи нашел эту сцену донельзя комичной. Герцог описывал свое подлое поведение так изящно и с таким чувством собственного достоинства.

[Сестра Мэри, потрясенная реакцией герцога, схватила его за руку и понизила голос.]

— Не надо так себя мучить! Поговорим, когда всё закончится.

Глаза Ся Минчи блеснули. Когда всё закончится — значит, после банкета в честь совершеннолетия и выбора жениха.

— Ты правда выберешь ей мужа на празднике?

— Как иначе? Жених был выбран еще десять лет назад.

— Да, когда ребенку было восемь, божество сказалось, что такая милая девочка — перерожденный ангел...

Почему-то, когда Мэри произнесла эти слова, Ся Минчи показалось, что она улыбается.

— Давай, детка, еще разок! — нетерпеливо прошептал герцог.

Ключевые детали сюжета были услышаны, Ся Минчи собрался уходить, но кто-то зажал ему рот!

Он попытался ударить противника локтем в челюсть, но почувствовал знакомый аромат.

Луис? Как он здесь оказался?

Красивое лицо прижалось к его щеке, в глазах читалась насмешка. Луис тихо прошипел: «Тсс», медленно убрал руку и указал на лестницу, предлагая Ся Минчи выйти первым.

Они на цыпочках покинули помещение.

Снова заперев дверь, Ся Минчи почувствовал неловкость. Когда появился Луис? И главное — сколько он услышал из разговора герцога и сестры?

— ...

— ...

Оба молчали.

— Я не специально, в общем, приношу свои извинения...

Луис встал по стойке смирно, опустил голову и с преувеличенно трагическим выражением лица признал свою вину.

— Но у меня была причина! Я проголодался, хотел перекусить, но не знал, где кухня, и не хотел бродить по дому. А потом увидел, как ты заходишь в здание, и пошел следом...

Значит, он зашел, когда я открывал дверь? Но почему я его не заметил...

— Можешь дать мне что-нибудь поесть? — Луис чуть не плакал, его живот громко заурчал.

[Задание 3: Обольстить Луиса.]

[Если ты не обольстишь его, Луис может случайно проболтаться, что ты подслушивал герцога и Мэри, и герцог от тебя избавится.]

А если я его обольщу, он будет держать язык за зубами? Его ведь тоже можно шантажировать.

[Я гарантирую «честью игры», что после этого он будет хранить твою тайну.]

Пф, честь игры ничего не стоит.

[Обольсти его, и ты получишь важную подсказку.]

Система упорно настаивала, видимо, этот NPC очень важен. Ся Минчи счел этот довод убедительным.

Но... как его обольщать-то? Он почесал затылок. Никогда не был в отношениях и не играл в симуляторы свиданий.

[Давай! У тебя есть талант соблазнять мужчин, поверь в себя.]

Это звучало как искренняя похвала, но Ся Минчи почувствовал подвох.

— Ладно, не надо еды. — Луис понурил голову, даже ноги не слушались.

— Конечно, найдется. Вы — врач, приглашенный лечить мисс, мы обязаны выполнить такую пустяковую просьбу.

Ся Минчи улыбнулся Луису, его глаза превратились в полумесяцы, а на переносице проступили легкие веснушки.

Юношеское очарование в сочетании с мужской красотой.

Он жестом позвал его на кухню, где стоял маленький столик.

— В особняке всё строго по расписанию, в столовой будет слишком заметно, так что поедим здесь, прошу прощения.

Он подал горячее молоко и сэндвичи, Луис набросился на еду.

Дворецкий прислонился к столу, его округлые бедра плотно прижались к краю, складки на брюках подчеркивали аппетитные формы.

Он скрестил руки на груди, молча наблюдая, как врач ест.

Луис почувствовал, что тот хочет что-то сказать, и, как и ожидалось, проглотив последний кусок, дворецкий вздохнул.

— Ты шел следом за мной, значит, слышал всё, что происходило в той комнате.

— Это... — врач в замешательстве вскочил и пошел мыть руки.

— Скажи правду, не лги.

Ся Минчи подошел ближе, глядя прямо в глаза Луису, его голос был полон жалости и мольбы.

— Да, я слышал. Но это частное дело вашего господина, я никому не расскажу.

— Если герцог узнает, что я подслушивал его и сестру, мне конец... Пожалуйста, сохрани мою тайну.

Ся Минчи ухватился за рукав Луиса, стараясь выглядеть максимально беспомощным и напуганным.

Луис сглотнул, протянул руку, чтобы погладить дворецкого по волосам, но в нерешительности отдернул ее и налил ему молока.

[Уровень благосклонности Луиса к вам повышен до 55%, так держать!]

— Выпей, молоко успокаивает.

Ся Минчи взял кружку и сделал глоток.

— Кха-кха-кха!!! — оно оказалось таким горячим, что он закашлялся.

Белое молоко потекло по уголку рта, губы, опаленные горячим напитком, стали красными и влажными.

Пламя керосиновой лампы отразилось в глазах дворецкого, танцующего бликами.

Луис снова прижал Ся Минчи к столу, упершись руками в столешницу. Он надвигался на свою добычу, словно лев.

Это был первый раз, когда они оказались так близко. Когда мужчина был всего в нескольких сантиметрах, Ся Минчи затаил дыхание.

В глубоких черных глазах читались удивление, желание и сомнение.

Мужчина подался вперед, их носы почти соприкоснулись. Гормоны, словно невидимые ленты, тянулись от него, опутывая запястья и щиколотки Ся Минчи, не давая пошевелиться.

<http://bllate.org/book/19766/1947040>